

Галина Щербакова

Личное дело судьи Ивановой

Сценарий

Мы идем за группой школьников обычной школы. Высокие, нескладные в свои тринадцать-четырнадцать лет девчонки. Мальчишки, отстающие в росте и пытающиеся компенсировать это «зрелостью» мыслей. В общем — обычная компания. Вот, например, Митя. Он, видимо, интеллектуальный вожак. С виду он совсем еще мальчик, но свою детскость хочет скрыть гордым взглядом и постоянным встряхиванием пышных волос.

Его друг-соперник — мальчик в очках, полноватый, рыхлый. Он стыдится своей внешности, но прячет это за безапелляционностью и категоричностью суждений.

Верочка Кузнецова — хорошенькая, робкая девочка с постоянным удивлением и восхищением в глазах по поводу «умных мужчин».

А другая девочка, ее фамилия Нилина, начисто лишена всякого удивления по отношению ко всему. Она идет молча, смотрит себе под ноги, пиная носком все, что попадается, и только иногда

в глазах ее появляется какая-то взрослая, злая насмешка по отношению ко всей компании.

Лена среди них — самая глазастая. Обернулась, посмотрела прямо в камеру — что, мол, подглядываете? — большими серыми вопрошающими глазами. Посмотрела и задумалась о чем-то своем. Она еще и самая ухоженная, ничто на ней не сдвинулось, не смялось за целый день уроков. Вот один у нее недостаток — грызет косичку, и потому кончик косички выглядит мокровато.

Ребята спорят.

— Ну, сообрази, — говорит Митя, обращаясь ко всем, но к Лене прежде всего. Говорит он это мальчику в очках. — Сообрази. Мы начнем, как в деревне. Здравствуйтесь, здравствуйтесь, здравствуйтесь... Всем и каждому. Прежде всего заболит язык...

— У них же не болит, — отвечает тот, что в очках. — У деревенских...

— Ты дурак? — возмущается Митя. — Сколько людей там, сколько здесь? И вообще, я иду, думаю...

— У него есть мысль, и он ее думает, — мрачно сказала Нилина.

— У меня есть мысль, и я ее думаю, — упрямо повторяет Митя, — и вдруг мне: «Здрассте!»

— И мысль покинула тебя навсегда, от испуга, — весело сказала Лена.

— Нет! — сказал Митя. — Вам не докажешь! Предлагаю эксперимент. Здороваемся со всеми подряд. По-честному... Со всеми!

— Здравсте! — говорит он пожилой женщине. Женщина посмотрела испуганно, потом заулыбалась.

— Здравствуйте, деточки. Здравствуйте, хорошие... Вот умницы...

Удивленно качая головой, пошла дальше.

— Плюс один в мою пользу, — удовлетворенно сказал Митя.

— Здравствуйте! — это он уже кивнул молодой стремительной женщине в красивом распахнутом пальто.

— Больше ничего? — ответила молодая и ушла, не обернувшись.

— Ага! Проигрыш! — сказала Лена, и ребята рассмеялись.

— Здравствуйте! — очень вежливо поклонились ребята мужчине с портфелем.

— Совсем распустили вас! — ответил он на приветствие. — Из какой школы?

— Вот увидите, кончится милицией, — сказал Митя.

— Мы просто поздоровались! — вежливо сказала Лена.

Ребята побежали.

— Здравствуйте! — крикнули молодому парню на ходу.

— Привет! — ответил он, не глядя.

— Здравствуйте! — сказали женщине с ребенком.

Мальчик испугался.

— Не бойся, маленький! — сказала женщина ребенку. — Это мальчики и девочки идут из школы и хулиганят...

Ребята засмеялись, Митя с удовлетворением посмотрел на мальчика в очках.

— Ну что?

— Здравствуйте, — бросил Митя деловому мужчине, который только что вышел из машины.

— А кого из вас я знаю? — спросил мужчина.

— Никого, — ответил Митя, — это наш эксперимент.

— Проверка контакта? — спросил мужчина.

— Вот именно! — ответил мальчик в очках. — Как в деревне...

— Понятно, — ответил мужчина. — Но я лично за стирание граней.

— Значит, чтоб не здоровались? — спросила Лена.

— Со своими — да! С чужими — нет. Грамотно? — И мужчина исчез в арке дома.

— Все! — сказала Лена. — Я пришла домой!

— Ты проиграл! — сказал Митя мальчику в очках.

— Нет, опыт продолжается! — ответил что в очках.

Ребята пошли дальше, а Лена вошла во двор. На ступеньках подъезда сидела кошка.

— Здравствуй, кошка! — сказала Лена, присаживаясь на корточки.

Кошка потянулась, выгнула спину и вежливо сказала: «Маяу!»

— Молодец! — похвалила ее Лена. — Ты деревенская.

Квартира Лениной семьи.

От стремительных движений матери Лены в маленькой кухне тесно. Красивая, ладная, она крутится между столом, мойкой, холодильником, плитой, почти одновременно моет, режет, мешает в кастрюле, что-то пробует на вкус. На столе между кочаном капусты и пакетом молока — телефон, который звонит непрерывно.

У нее еще и собака, большая, с преданным и покорным взглядом. Собака терпеливо ждет своего варева и внимательно следит за всеми бесконечными движениями хозяйки. Вот снова зазвонил телефон.

— Нет, Игнатьев, нет! — кричит женщина. — И не приходи, и не звони. Теперь уже будет суд

решать... Нечего меня просить, я твой враг... Не имею права так говорить? А ты имеешь право мне домой звонить? То-то... Отвечать будешь, голубчик, на всю катушку. — И бросила трубку.

Капрал тихонечко тявкнул. И снова телефон.

— Лапочка моя! — запричитала женщина совсем другим голосом. — Не могу говорить, некогда! Ухожу! Я уже в замочной скважине. Позвоню тебе завтра. Ну, послезавтра...

Почмокала в микрофон губами, бросила трубку. А каша в это время залила огонь.

— О господи! — сказала женщина, хватая трубку снова зазвонившего телефона.

— Да! Да!.. Нет, вы это сделаете! — закричала она. — Это решение суда, а не моя просьба.

Бросила трубку, отставила пригоревшую кашу на подоконник, села на табуретку, вздохнула, вскочила снова, кинулась в дело, к плите, и снова зазвонил телефон.

— Привет, мамуля! Все нормально. Что делаю? Ужин варганю.

В коридор вошла Лена. Бросила у входа портфель, сняла туфли и прямо в чулках подошла к матери, выставив вперед лоб. Мать прислонила свой к ее лбу, так они ласково «пободались», как, видимо, всегда делали.

— Это я с бабушкой говорю, — тихо сказала мать, показывая дочери на ноги, мол, обуйся.

— Бабуля! — пискнула в трубку Лена и стала, весело поглядывая на мать, хватать со стола все, что попадало под руку.

— Не хватай грязными руками! — закричала мать Лене — и в трубку: — Отпусти меня, мам! Ничего не успела сегодня сделать.

— Она никогда ничего не успевает, — закричала в трубку Лена. — У нее общественное выше личного! Мы тут с папой умираем с голоду, а она все время говорит по телефону.

— Ну пока, мама, пока...

Но, видимо, бабушка продолжает что-то говорить.

— Ладно, мам, ладно... Голос у меня просто сел. Выступала много. Все, мам, все! Целую тебя. Плита зовет! — Бросила трубку, кинулась к плите.

И снова зазвонил телефон. Зажав ноздри, мать взяла трубку и гнусавым, не своим голосом сказала:

— А ее нету дома! — Снова положила трубку.

— И еще, — строго сказала Лена. — Ты по телефону много врешь.

— Да не вруша я! — в отчаянии сказала мать. — Не вруша я, доченька... У меня иногда просто выхода нет...

Снова зазвонил телефон.

— Все! Не беру трубку! — сказала мать.

— А вдруг это папа?

Мать взглянула на тикающие часы-ходики.

— Папа наш где-то бродит, — сказала мать. — Между прочим... Я тебе хочу сказать... Не всякое вранье — вранье.

— Оправдывается только виноватый, — засмеялась Лена.

— Нет, доча, я серьезно... Вот ты была маленькая, очень болела... Я давала тебе горькие таблетки и говорила, что они сладкие. Это вранье?

Лена засмеялась.

— При чем тут это? Кто сейчас маленький?

— При том! — вдруг закричала женщина и снова волчком закрутилась по кухне. — Вру, потому что бывает надо... Ты знаешь, что такое НАДО? Ты когда-нибудь его видела в глаза? НАДО!

— Видела, — сказала Лена. — Оно такое большое, коричневое, с зелеными ушами и сопит.

Лена показала, какое оно, это «надо». Обе засмеялись.

— Ах, доченька! Женские уловки никогда не проходили по разряду лжи... Это уловки, просто уловки... Ты сама женщина, поймешь... Женщине так много и так часто приходится в жизни обороняться и выкручиваться...

— А я никогда не буду выкручиваться, — сказала Лена.

И она с важностью человека правого ушла из кухни в свою комнату, обычную маленькую

комнату, в которой есть все приметы ее жизни, ее взросления. Тут еще и куклы, но уже и полочка с дисками и кассетами. В центре комнаты — пианино. На плечиках, за дверью, косо висит уже не первого года школьная форма с отглаженным пионерским галстуком. Видавший виды заяц с оторванным ухом на диване, а над ним на полстены портрет Высоцкого. Над диванчиком рядом с Высоцким — избирательный плакат с портретом матери. Все в этой портретной матери безупречно — прическа, выражение лица. На другой стене домашняя «стенгазета», посвященная дню рождения. На ней много фотографий с шутивными надписями.

Лена в детском зарешеченном манежике. «Детка в клетке».

Лену принимают в пионеры. «Одним сборщиком макулатуры больше».

Лена одиноко и задумчиво сидит на берегу. «Ушла в себя от ответственности».

Лена — вожатая. «Если ничего не умеешь — воспитывай других!»

Маленькая Лена с большой собакой. «Когда я вырасту, я тоже буду собакой».

В самом низу фотография распластанного на земле с фотоаппаратом отца: «Придворный фотописец Ленкиной жизни, вечно телопреклоненный папа».

Заговорщицки подмигнув Высоцкому, Лена открыла крышку пианино. Стоя, резко и уверенно взяла вызывающие аккорды одной из его известных песен, но тут же пальцы, будто независимо от нее, перешли на нежную мелодию. Лена ногой придвинула круглый, вертящийся стульчик, села на краешек, продолжает играть свое, любимое, как бы иллюстрируя все увиденное нами в комнате, вместе со «стенгазетой».

И тут снова зазвонил на кухне телефон. Мать, тяжело вздохнув: «Когда же этому конец», — взяла трубку.

— Да, — сказала она вежливо и строго, но мы видим, как темнеет ее лицо, как холодеют глаза.

Голос по телефону :

— Судишь? Всех судишь?
Разводишь-сводишь! А муж твой давно от тебя бегает... Судья народный, беспородный, баба ты брошенная! Так тебе и надо... Отольются тебе чужие слезы...

Мать гневно бросила трубку. Стоит молча, смотрит на себя в зеркало, будто пытаешься что-то понять.

— Что с тобой? Кто это был? — спрашивает Лена, появляясь в дверях.

— Что ты ко мне пристаешь? Кто? Что? Кому? Делом занялась, ну и играй! — кричит мать и автоматически продолжает хозяйственные дела.

Но телефонный звонок сделал свое дело, закаменил ее, и это видит Лена.

— Мам! Ничего не случилось? — сочувственно спрашивает она. — У тебя руки дрожат.

Застыла мать, но тут же встряхнулась.

— Абсолютно ничего! — твердо сказала она. Взяла с подоконника кастрюльку с только что сваренной кашей для Капрала и выбросила ее в помойное ведро. Как-то по-человечески обиженно твякнул пес, а мать растерянно, непонимающе спросила:

— Что это я делаю? А? Что это я делаю? С ума я сошла, что ли?

Лена недоуменно слушает этот непривычный растерянный материн голос.

— Ну, успокойся, Капрал, успокойся, — говорит собаке мать. — Видишь, не вся твоя каша пропала, чуток осталось. Я тебе еще сварю, нечего так уж на меня обижаться, ты тоже не всегда бываешь прав.

Она взяла помойное ведро и понесла его к мусоропроводу. И снова раздался телефонный звонок. Вздохнув тяжело, Лена взяла трубку.

— Да! — крикнула она материнским голосом. Она слушает, что ей говорят. Лицо ее делается испуганным, как у малого ребенка.

Голос по телефону:

— Слышь, судиха? Я из окна их вижу. Как твой благоверный ее за тоненькие плечи держит. Парк «Дубки». Можешь съездить и посмотреть. А потом сама себя и разводи, если ты такая справедливая!

— Снова кто-то бросил в мусоропровод коробку от торта. Ну что за люди? Что за люди? — это мать вернулась на кухню с пустым ведром.

Она увидела в руках у дочери трубку. Лена тут же нажала на рычаг.

— Кто? — испуганно спросила мать. — Кто звонил?

— Никто, — ответила Лена. — Это я Митьке звонила. Не отвечает...

Лена вернулась в свою комнату, закусила косичку. Подошла к окну, постучала зачем-то кулаком по подоконнику, потом села за пианино. Посмотрела на часы.

— Мам! А папа скоро придет? — крикнула в кухню.

— Я совсем забыла. У них комиссия из министерства, может задержаться, — ответила мать. Лицо у нее искажено болью, но говорит она бодро, как у нее это принято.

— Я погуляю с Капралом? — спросила Лена, еле сдерживая слезы.

— Давай! — обрадовалась мать. — А я ему снова кашу буду варить. Как это я ее выкинула?

У подъезда Лену ждал мальчик.

— До вас невозможно дозвониться, — сказал он. — Тогда я стал вызывать тебя мысленно, и вот ты вышла... Правда, здорово? Я повторял: пусть она выйдет! Пусть она выйдет! Пусть выйдет! И ты вышла. Потрясающе!

— Не ходи сейчас за мной, — сказала Лена. — У меня важное дело.

— Ну и что? Делай свое дело, а я буду гулять рядом!

— Уходи! — кричит Лена. — Чего приперся! Я тебя звала?

— Я тебя звал, — упрямо сказал мальчик, — и ты вышла.

— Я вышла по своим делам, — чеканит Лена. — Все! Иди!

— Но почему? — не понимает мальчик.

— По кочану! — ответила Лена и постучала кулаком по голове. — Ариведерчи!

Лена с Капралом гуляет по парку «Дубки». Пес резвится на траве. Лена, помахивая поводком, внимательно смотрит вокруг. Она ищет. Это видно по нервно закушенной косичке, по близоруко сощуренным глазам.

Капрал подбежал, лизнул ей руку и снова умчался, вспугнув воробьев.

А потом Лена услышала его радостное повизгивание и призывный лай. Прыгнув через газон, другой, раздвинув кустарник, Лена оказалась на параллельной аллее. Капрал визжал и прыгал вокруг отца, а по аллее стремительно уходила от него женщина. Она шла так быстро, что за ней едва поспевал яркий, в белый горох, малиновый шарф. Лена увидела, как она убежала и скрылась за поворотом. Капрал подпрыгнул и радостно, как знакомой, залаял ей вслед.

— Это Ольга Николаевна? — спросила отца Лена. И утвердительно повторила: — Это Ольга Николаевна. Ей этот шарф родители подарили на Восьмое марта. Японский.

— Ты откуда здесь взялась, прелестное дитя?

— А что, мне тут нельзя? — ответила Лена, ударяя на слове «тут».

— «Тут» — далеко от дома, — отвечает отец.

— Три копейки за трамвайный билет, а собака зайцем, — говорит Лена. — А вот как ты тут оказался?

— Видишь здание? Это наше министерство... У нас с ним всякие отношения.

Лена посмотрела — действительно, в большом доме, который виднелся невдалеке, было министерство, в котором отец часто бывал. И идти отцу к трамваю можно было только этой дорогой, через «Дубки». Отец посмотрел на ее задумчивое,

нахмуренное лицо и засмеялся. Лена недоуменно пожала плечами.

— Чего веселишься?

— Во-первых, чудная погода. Во-вторых, я вижу тебя, что мне всегда радостно. В-третьих...

— А в-третьих?

— А в-третьих... Жить очень хорошо, дочка! Ты пока этого еще не понимаешь...

— Почему это я не понимаю?

— По-настоящему это приходит позже... С сединами. Вдруг — раз... И видишь... Дышать — это радость... Собака — тоже радость. Усталость от работы — даже больше, чем радость... Музыка...

— А Ольга Николаевна... Она... Что тут делала?

— Ольга Николаевна шла на концерт.... И мы с ней поболтали... И это тоже радость.... Разговор с милым, хорошим человеком.

— Ничего она не милая...

— Ты же всегда сама это говорила...

— Мало ли...

— Она хорошая, — повторил отец. — И о тебе она говорит очень хорошо.

Лена не знает, что ей на это сказать.

— А мы сегодня стали всем на улице говорить «здрассте»... Нас не поняли, — сообщила она.

— Ну и дураки те, что не поняли... Мне лично это нравится...

Навстречу им шла дама с собачкой. Отец приподнял шляпу и вежливо поклонился.

Дама фыркнула и свернула в аллею. Лена засмеялась.

— Тебя тоже не поняли, — сказала она. — Так тебе и надо!

Им хорошо вместе, но Лена помнит о звонке, и мучительная складка по-прежнему перерезает ей лоб.

— А тебе не кажется странным, что разные люди вдруг неожиданно оказываются почему-то в одной точке земли? — спрашивает она.

— Ты про что? — Но отец понял, про что спрашивала дочь.

— Про тебя и Ольгу Николаевну, — спокойно и терпеливо объясняет Лена.

— Так бывает... Капрал тебя потянул за поводок, ты себя в трамвай, а тут шел я...

— А Ольга Николаевна?

— Она имеет право ходить, где хочет, — вдруг жестко сказал отец.

И эта его жесткость почти успокоила девочку, она посмотрела на отца — совсем обычный, разве что какой-то молодой. Так он и на самом деле еще не старый.

— Ты молодой, — как-то задумчиво сказала она ему. Глаза отца засветились, он прижал к себе дочь.

— Какая осень, а? Дымком тянет!

— Куда тянет? — с иронией спросила Лена.

Отец стал играть с Капралом, а Лена смотрела и думала о том, что отец ей и нравится и не нравится сразу. Запутаетесь с этими взрослыми, прыгающими на траве, как мальчишки.

В лифте, который подымал их домой, от красивого зеленоглазого мужчины постепенно ничего не оставалось. Лена видела это превращение: откуда-то из глубины отца вышла усталость и какая-то раздраженность, он постарел на наших глазах и будто бы стал меньше ростом. Он долго тер подошвами неказистый половичок у двери, оттягивая момент возвращения.

Лена удивленно посмотрела на отца, и он понял, что стал другим. И как-то неловко дернул шей, будто взгляд дочери ударил его.

— О! Все вместе! — сказала им мать.

— Я немного прошелся пешком, — торопливо, не глядя на мать, сказал отец. — Такая осень.

— Дымком пахнет, — с иронией сказала Лена.

— Правильно сделал. Надо больше, больше ходить! — Мать накрывает на стол, старательно пряча внутреннее беспокойство. — А еще лучше — бегать. — Давайте побежим, ребята?

— Куда? — спросила Лена.

— За здоровьем! — охотно отвечает мать, как будто разговор о беге был для нее сейчас — самое важное. — Издревле человек начинал свой путь с бега. От опасности. За пищей. Почему маленькие такие непоседливые? В них генетически заложена тяга к движению...

— Ты знаешь, Люба, — сказал отец, по-прежнему старательно не глядя на жену, — пожалуй, я не буду есть. Мы сегодня в конце дня отмечали пятидесятилетие нашей библиотекарши, и я был вынужден съесть вот такой, не поверишь, — отец показывает какой, — кусок... киевского торта. Его передали прямо с поезда, кто-то специально ходил встречать... Такие усилия, что нельзя было отказаться... Совершенно сыт...

— Я тоже не буду, — сказала Лена. — Расхотелось. — И ушла в свою комнату.

Мать стоит перед накрытым столом. Один Капрал, гремя миской, жадно ест свою кашу. Из комнаты Лены доносится звук музыки. Звонит телефон. Мать берет трубку.

— Да, — говорит она усталым, измученным голосом, но тут же вся подбирается. — А! Это ты, Коля! Все я помню... Завтра в шесть. Ну, давай прочти. — Она что-то слушает по телефону, потом перебивает. — Нет, это не пойдет. Меньше красивых слов... Притуши свои восклицания... Скромнее и сдержаннее. Я не певица эстрадная. Я

судья. Представь меня скромненько и со вкусом. Что я делаю? Собираемся ужинать. Лена, как всегда, за пианино. Спасибо, передам...

Положила трубку, прислушалась. В квартире стало тихо. И мать пошла по квартире, такой привычной и такой неожиданно затихшей. Наступила какая-то натянутая, как тетива, тишина...

Открыла дверь в комнату дочери. Увидела согнутую за пианино спину. Автоматически сказала:

— Сядь прямо.

Мать не видела, что Лена плачет. Беззвучно, слизывая слезы со щек.

— Слышишь? Сядь прямо! — повторила мать. Спина выпрямилась.

Мать подошла к ванной, прислушалась. Течет вода.

Мы видим то, чего не видит она. На краю ванны, упершись ногами в стену, с закрытыми глазами сидит одетый муж. Вода бьется в ванну мощной струей, но он загородился от нее полиэтиленовым пологом. У мужа измученное лицо с закрытыми глазами, в зубах стиснута трубка.

Мать вошла в комнату и на всю мощь включила телевизор.

— Уже началось! — крикнула она им.

— Да! Да! Я скоро! — ответил из ванной муж.

А Ленка ничего не ответила.

На экране телевизора всю погоня. Капрал внимательно смотрит телевизор.

Мать сидит рядом с ним, глядя на экран невидящими глазами. Это уже совсем другой дом, чем тот, в который вернулась из школы Лена. Каждый сам по себе.

Гардеробная музыкальной школы. Лена вешает на крючок вешалки свой плащ. Гардеробная находится в самом закутке, за большой старой изразцовой печью. Девчонки прибегают сюда подтянуть колготки, преподаватели — за стаканчиком кипятка, который постоянно кипит в большом чайнике на электроплитке возле самой печи, давно не исполняющей свое прямое назначение.

Лена повесила плащ и увидела рядом длинный, в крупный горох, малиновый шарф, который торчал из рукава женского пальто. Она потрогала его, будто проверяя, живой ли он. Потом взяла и перевесила свой плащ подальше.

Тяжело, с каким-то присвистом вздохнув, она медленно, нехотя поднялась на второй этаж и остановилась у двери в классную комнату. Что-то не давало ей переступить порог.

Там звучала музыка. Играла явно не ученица, и музыка не ученическая, какая-то совсем другая —

нервная, но счастливая, с каким-то внутренним восторгом, который прячут.

Лена слушает, хмурясь. Потом все-таки открывает дверь. Ольга Николаевна поворачивает голову и резко прекращает игру, как застигнутая врасплох.

— Я уже думала, ты не придешь! — сказала она Лене. — Ты очень опоздала...

Лена усаживается за пианино как-то бестолково, будто ей неловко, неудобно, и играть начинает фальшиво и громко. Лицо Ольги Николаевны исказилось, как от боли, и она положила руку на Ленины пальцы.

— Начни сначала, — просит она. — Это надо тихо, печально... Поздняя осень... Голые деревья, озябшие от ветра... И ожидание... Такое, что кажется — сердце разорвется... А потом встреча... И счастье... Вот что в этой музыке...

— А кто кого ждет? — спрашивает Лена.

— Человек человека, — тихо говорит Ольга Николаевна. — Вот послушай.

Она играет. И снова слышатся восторг, и счастье, и смятение.

— Я так не смогу, — сказала Лена.

— Ты попробуй, — уговаривает Ольга Николаевна. — Для начала вспомни что-нибудь грустное...

Лена вся съежилась, хотела было начать

играть. Но вдруг нажала пальцем на низкое «до» и тихо спросила:

— А хороший был концерт?

— Какой? — не понимает учительница.

Лена нажала высокое «до», ударила по клавишам кулаком и, схватив сумку, убежала. Она бежит по коридору так же громко, как и играла, от ее топота где-то смолкла скрипка, открылась дверь классной комнаты: «Что за безобразие?» За ней на цыпочках бежала Ольга Николаевна, она догнала ее уже у изразцовой печи и схватила ее за плечи.

— Лена! Лена! Ну что с тобой!

— Я возненавидела музыку! — закричала Лена.

Ольга Николаевна согнулась, как от удара, но взяла себя в руки, даже улыбнулась.

— Ты говоришь неправду. Музыка нельзя возненавидеть!

— А я возненавидела! Все можно возненавидеть! — И она убежала.

Ольга Николаевна прижалась лицом к своему пальто. В гардеробную вошла ее подруга, коллега по работе, хорошо одетая, уверенная в себе молодая женщина.

— Ты чего тут? — спросила она стоящую в растерянности Ольгу Николаевну.

— Возьмешь у меня ученицу? — спросила ее Ольга Николаевна. — Хорошая девочка...